Рецензии

Richters, K. (2013) *The Post-Soviet Russian Orthodox Church: Politics, Culture and Greater Russia*. London: Routledge. — 212 p.

Главной темой новой книги Кати Рихтерс — опубликованной версии ее докторской диссертации, защищенной в Лондонском университете, — является вопрос о степени независимости современной Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ) от российского государства. Чтобы ответить на этот вопрос, автор анализирует политические предпочтения и стратегии Московского патриархата так, как они отражаются в центральных документах, на веб-сайтах и в беседах автора с представителями РПЦ. Рихтерс делает акцент на позициях элиты РПЦ, но включает в свой анализ и мнения некоторых представителей духовенства среднего звена. Она также беседовала с учеными, журналистами и представителями государства.

Цель работы Рихтерс — уяснить, в какой степени РПЦ имеет собственную позицию и насколько она способна формулировать ее независимо от светских властей, не повторяя или имитируя (*mimic*) светскую политическую элиту. Среди тех областей, в которых рассматривается позиция РПЦ, особое внимание в книге Рихтерс уделено вопросу национальной идентичности.

Многие исследователи считают, что постсоветской РПЦ не удалось — если она вообще стремилась к этому — стать независимым элементом нового гражданского общества, возможность чего ей была предоставлена после распада СССР. Представляя это мнение, Рихтерс ссылается на книгу Зои Нокс[1], но сама считает, что РПЦ все-таки имеет свою «собственную повестку». Эта повестка заключается прежде всего в стремлении стать «первой среди равных» в православном мире. Чтобы добиться этой цели, Церкви пришлось обратиться за поддержкой к русскому государству (p. 8), что постепенно и привело к нехватке независимости.

1. Knox, Z. (2004) *Russian Society and the Orthodox Church: Religion in Russia after Communism*. London: Routledge.

Далее Рихтерс утверждает, что при президентстве Владимира Путина собственные цели РПЦ очень часто на практике совпадали с политической стратегией Кремля, что усложняет задачу оценки наличия и меры церковной самостоятельности.

Тем не менее автор придерживается мнения, что обращение за помощью к светскому государству не привело РПЦ к полной потере независимости. Рихтерс также считает, что и поддержка со стороны государства является прежде всего прагматической, поскольку государство и церковь имеют одну цель — восстановить «Великую Россию» (*Greater Russia*). Это понятие заимствовано автором у политолога Бертиля Нигрена (*Bertil Nygren*) (оно не употребляется, насколько я знаю, самой РПЦ). «Великая Россия» больше страны Россия. Она практически синонимична с так называемым постсоветским пространством. Интересно, что Рихтерс не обсуждает то понятие, которое сама РПЦ часто использует в своих «геополитических» размышлениях, а именно понятие «православной цивилизации», включающее даже православных «братьев» Сербии[2].

Начинается книга Рихтерс с рассмотрения «Основ социальной концепции» (2000 года), в которых излагается видение РПЦ своего места в обществе. В «Основах» РПЦ впервые сформулировала социальную концепцию и заявила о своем желании играть новую роль в обществе (p. 18). Несмотря на прогрессивность самой инициативы, консервативная политическая составляющая «Основ» очевидна. Не приняв секуляризации общества, церковь все же хочет быть частью гражданского общества; противопоставляя секулярному обществу свое религиозное видение, РПЦ одновременно дистанцируется и от «православного фундаментализма».

Автор считает примечательным (*remarkable*, p. 21) программное заявление РПЦ о своей роли потенциального критика государства. Речь идет о той части документа, где говорится, что, если государственная политика нарушит христианские нормы, церковь может признать легитимность «мирного гражданского неповиновения» (p. 26). Значит, церковная поддержка государственной власти имеет границы. Реакция властей, включая новоизбранного президента Владимира Путина, на это заявление церкви была, естественно, отрицательной. Не одобрялось и заявленное в документе предпочтение церковью монархии в сравнении с демократией. Кремлевская критика не изменила позицию РПЦ, но, по мнению автора,

2. Ср. Laruelle, M. (2009) *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. New York: Palgrave Macmillan. C. 165.

у Кремля нет оснований бояться церковного неповиновения — заявленная возможность неповиновения не принимается всерьез самой Церковью, которая на практике стремится поддерживать все государственные инициативы. Например, РПЦ сожалеет о распаде СССР с его «дружбой народов», указывая на тяжелые последствия поздне- и постсоветских конфликтов. Церковь поддерживает инициативу президента Путина на реинтеграцию «евразийского пространства» и его желание вернуть России статус независимой «великой державы».

По мнению Рихтерс, Путин и РПЦ «смотрят на мир одинаково» (p. 32). Но не означает ли это, что независимость РПЦ от российского государства, обсуждаемая в книге, сводится к редким исключениям (например, абстрактное оправдание монархии) и является лишь теоретической независимостью?

Если «Основы» выражают теоретическое стремление церкви быть активным и независимым от государства социальным актором, то политическая практика РПЦ ориентируется скорее на государственную власть, чем на гражданское общество. «Поддержка идеи могущественной России не имеет отношения к богословию», — пишет далее Рихтерс, — а скорее к «идентификации РПЦ с Отечеством, его прошлым и ожидаемым великим будущим, возвращением национальной гордости» (p. 35). Здесь следует учесть, что исследовательская работа Рихтерс была, вероятно, закончена до начала третьего президентства Владимира Путина. Так автор приводит несколько примеров разногласия РПЦ с (бывшим) президентом Медведевым. Прежде всего Церковь не разделяла его «технологический оптимизм». По мнению Рихтерс, позиция РПЦ ближе к политике Путина, чем к программе Медведева, и с точки зрения возможности проверки этой гипотезы жаль, что автор не продолжила свое исследование еще на год или два. Та часть анализа, в которой обсуждаются разногласия РПЦ с президентом, сегодня уже устарела. После того как патриарх Кирилл назвал путинский период «Божьим чудом», мы имеем дело с совершенно иной ситуацией.

Как было упомянуто выше, автора скорее интересует роль РПЦ в формировании новой русской идентичности, чем «социальная тематика» как таковая. В главе, посвященной отношениям РПЦ с другими религиозными группами и конфессиями, автор показывает, как широко у виднейших представителей РПЦ распространена идея о связи православия (да и других религий и вероисповеданий) с пространством, территорией и географией. По мнению Рихтерс,

это объясняет, почему РПЦ так радикально противится миссионерской активности «нетрадиционных» религиозных движений в «Великой России» (ср. формулировку Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года) . Согласно Рихтерс, «тенденции Московского патриархата связывать религию с национальностью и гражданством» (p. 55) обнаруживаются и в содержании школьного курса «Основы православной культуры», особенно в первом и довольно спорном учебнике курса, написанном Аллой Бородиной.

Глава книги Рихтерс, посвященная российской армии, подробно рассматривает инициативы и стратегии РПЦ, направленные на распространение православия и укрепление патриотизма у военнослужащих. Руководить этой работой призван «Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями» (подобный отдел был создан и на Украине). С 2001 и до 2013 года отделом руководил о. Димитрий Смирнов, прославившийся своим так называемым «умеренным фундаментализмом». Именно армия стала той уникальной ареной, на которой РПЦ позволяет себе проводить «православный фундаментализм», официально не одобренный для других, более прозрачных для общества, сфер.

Рихтерс считает, что РПЦ понимает (русское) православие как «этническую религию» русского народа и как средство для выражения принадлежности к русской нации (p. 63). Автор демонстрирует это с помощью анализа «патриотического», а скорее селективного, описания истории русской армии на сайте Отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами. На нем (русское) православие, например, резко противопоставляется чеченскому — или даже «кавказскому» — исламу. Этнический национализм, таким образом, открыто поощряется РПЦ (p. 71).

Последние три главы книги Рихтерс (5–7) посвящены анализу активности РПЦ за пределами Российской Федерации: в Эстонии, на Украине и в Белоруссии. При этом продолжается обсуждение темы «Великой России» и пространственного воображения РПЦ. Весьма значительным является здесь тот факт, что Московский патриархат считает «каноническую территорию» своей исключительной прерогативой, что означает, что только один иерарх может председательствовать на такой территории (p. 85). Согласно этой логике, РПЦ, не признавая прав Константинопольского патриархата на юрисдикцию на своей канонической территории, практически включает Эстонию, как и остальное «постсоветское»

пространство, в «Великую Россию». Важным в этом контексте является и вопрос истории Великой отечественной войны. Здесь РПЦ, как правило, игнорирует советские злодеяния, например, в Прибалтике.

Практика РПЦ в отношении ближнего зарубежья во многом совпадает с государственной, но Рихтерс замечает, что РПЦ может позволить себе вмешиваться в религиозную жизнь, политику и таким образом в суверенитет таких стран, как, например, Эстония, чего не может себе позволить российский президент. Что касается Украины, то главным вопросом здесь являются отношения между Московским и Киевским патриархатами. Последний объявил себя автокефальным в 1992 году, но, как известно, не был признан в этом качестве Москвой.

Рихтерс анализирует Украинскую православную церковь Московского патриархата (УПЦ МП) как сферу влияния РПЦ. Последняя часто подчеркивает значение Киева для русского православия и его статус колыбели «Святой Руси» (ср. новую концепцию патриарха Кирилла[3]) и не желает признавать Украину независимой нацией. Однако самой УПЦ МП трудно ставить под вопрос украинскую суверенность, что, естественно, приводит к новым дилеммам.

Подобные проблемы не существуют в Белоруссии — Белорусская православная церковь полностью подчиняется Московскому патриархату, считая себя, таким образом, частью «Великой России». С другой стороны, отношение ее к Ватикану не такое негативное, как в Москве, поскольку католицизм в Белоруссии не понимается как чуждая (нетрадиционная) религия. Рихтерс далее отмечает, что Патриарх Кирилл недавно выразил озабоченность тесной связью между церковью и государством при режиме Лукашенко. Она также делает обзор «подпольных» православных церквей в Белоруссии. Вообще следует отметить, что исторические справки о церковной жизни и политике в Эстонии, Украине и Белоруссии в книге Рихтерс богаты интересными деталями и будут полезны многим исследователям.

На протяжении всего анализа Рихтерс, с одной стороны, хочет показать, что РПЦ имеет свою собственную повестку, а с другой — подчеркивает близость этой повестки к государственной стратегии. Главным методологическим инструментом Рихтерс является понятие «политической куль-

3. Ср. *Суслов М.* «Святая Русь»: Геополитическое воображение в современной Русской православной церкви // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 2. С. 311–327 (анализ, дополняющий исследование Рихтерс по этой теме).

туры», заимствованное ею у таких теоретиков, как Арчи Браун (*Archie Brown*), Стивен Уайт (*Stephen White*) и Мэри Маколи (*Mary McAuley*). Понятие подразумевает общие для определенной группы людей идеи, ориентации, предположения, знания, лояльности, паттерны поведения и т. п., сформированные историей и традициями, а также — в еще большей степени — существующей политической системой, которая, в свою очередь, значительно влияет на действия группы — в данном случае РПЦ. Политическая культура — это *габитус*. Хотя четкого определения понятия «политической культуры» я в книге Рихтерс не нахожу, ее анализ отношения РПЦ к государству в постсоветском контексте основан на тезисе фактической зависимости Церкви от политической культуры советского опыта с его «вездесущей» государственностью.

Политическая культура устойчива, она изменяется довольно медленно, и Рихтерс утверждает, что социализация сегодняшней церковной верхушки еще в СССР определяет ее политическую культуру в большей степени, чем «древняя христианская традиция». Одновременно Рихтерс не исключает присутствия традиционных элементов в политической культуре Церкви и признает исторический опыт Церкви в Российской империи как важную часть ее современной политической культуры (pp. 7–8).

Проблема рассматриваемой книги в том, что в тексте исследования термин «политическая культура» используется достаточно небрежно. «Политическая культура», как правило, означает просто «мнения», «взгляды», «интерпретации», что затрудняет понимание анализа и, к сожалению, делает его время от времени слишком запутанным. Приведу несколько примеров из книги, где термин используется без необходимой научной строгости: «политические культуры, в свете которых Московская патриархия и Кремль проводят свою внешнюю политику по отношению к Эстонии, совпадают [в том смысле, что] их объединяет очень схожее видение советского прошлого страны [и] согласие по поводу того, как прибалтийское государство должно быть связано с Россией» (p. 93); «эта политическая культура связана с понятием „Великой России“» (p. 94); « [Чернобыльская катастрофа] это еще один вопрос, по которому политические культуры Московского патриархата в России и Беларуси расходятся» (p. 134); «сферы, в которых православные и светские власти имеют схожую политическую культуру, могут быть объединены в три группы: как управляется Россия; как она взаимодействует с другими государствами; и как трактуется история» (p. 150).

Но несмотря на свои методологические и понятийные сла-

бости, книга Рихтерс интересна своим актуальным анализом ряда аспектов современной практики Русской православной церкви. Разумеется, тезис автора о независимости РПЦ от государства является лишь гипотезой, и вполне можно утверждать, что церковь и государство разделяют как общие воззрения на общество, так и политические цели.

Главное достоинство книги Рихтерс — анализ того центрального положения, которое идея «Великой России» занимает в общественной деятельности РПЦ. Рихтерс описывает и обсуждает интереснейший парадокс: самоидентификация РПЦ с советским временем, на практике бывшим временем репрессий и религиозных преследований, как со временем «Великой России».

Коре Юхан Мьер

Ioniţă, V. (2014) *Towards the Holy and Great Synod of the Orthodox Church*. Fribourg: Institute for Ecumenical Studies University of Fribourg. — 214 p.

Совещание глав поместных православных церквей, состоявшееся в марте 2014 года в Стамбуле, приняло принципиальное решение о созыве всеправославного собора («Святого и Великого собора Православной Церкви»), который предполагается провести в 2016 году. Речь идет об уникальном событии, поскольку после Великой схизмы 1054 года, то есть разделения Восточной и Западной церквей, мировое православие не знало ни одного общецерковного собора.

В то же время трудно назвать решение о проведении такого собора неожиданным, поскольку его подготовка ведется уже на протяжении почти столетия. Всеправославный собор, по замыслу его устроителей, должен стать демонстрацией всему миру единства Православной церкви, и поэтому на нем не предполагается рассматривать спорные вопросы. Задача собора — утвердить заранее согласованные позиции, выработка которых происходила в период так называемого предсоборного процесса. И можно сказать, что в этом процессе, как в зеркале, отразились основные противоречия в межправославных отношениях в XX — начале XXI в.

Книга протоиерея Виореля Ионицы — известного румынского богослова и многолетнего участника предсоборного процесса — посвящена истории формирования повестки Всеправославного собора и принятия согласованных решений по вопросам этой повестки. Впер-